

Симон
Соловейчик

воспитание ШКОЛЫ

- Знание и достоинство
- Спасите школу от утопий
- Цели и ценности
- Дайте детям другую жизнь

Школа для каждого – школа для всех

СИМОН СОЛОВЕЙЧИК

Воспитание школы

«Образовательные проекты»

1992-1996

УДК 371
ББК 74.20

Соловейчик С. Л.

Воспитание школы / С. Л. Соловейчик — «Образовательные проекты», 1992-1996 — (Школа для каждого – школа для всех)

ISBN 978-5-98368-156-9

Основой этой книги послужили статьи известного писателя, журналиста и педагога Симона Соловейчика (1930–1996), опубликованные в газете «Первое сентября» в 1992–1996 годах. Главы книги посвящены ключевым вопросам педагогики современной школы. Всю жизнь С.Л. Соловейчик присматривался к самым разным поискам в образовании: одними восхищался, другие ценил, третьи критиковал, в четвёртых сомневался. Не пытаясь укорять и «прививать» что-либо отечественной школе, Соловейчик год за годом стремился помочь проявляться достойным и сильным чертам её характера. Он не уставал обнаруживать эти возвышенные черты и с неутомимой надеждой о них напоминал. Четыре части его итоговой книги — «Знание и достоинство», «Спасите школу от утопий», «Мировоззрение. Цели и ценности», «Дайте детям другую жизнь» — последовательно выстраивают картину главных ориентиров успешной и гуманной к детям общеобразовательной школы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 371
ББК 74.20

ISBN 978-5-98368-156-9

© Соловейчик С. Л., 1992-1996
© Образовательные
проекты, 1992-1996

Содержание

Комментарии и предисловия	6
Уроки Паганеля	6
Наградами не унижен	10
«Воспитание школы»: обратная перспектива	12
Часть I	13
Комментарий к первой части от редакторов книги	13
Почему я идеалист?	14
Почему учителю трудно быть добрым	18
Как зарождается агрессия	21
Не кричите на детей	24
Чёрная метка и день судьбы	27
Кандидат на второй срок	30
Действительно ли наша школа – лучшая в мире?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Симон Соловейчик

Воспитание школы

© Соловейчик С.Л., наследники, 2021

© ООО «Образовательные проекты», 2021

Комментарии и предисловия

Уроки Паганеля *Об авторе этой книги*

*...Лицо у него было умное и весёлое... Всё говорило о том, что он склонен видеть в людях и вещах лишь хорошее...
Жюль Верн «Дети капитана Гранта»*

Именно таким я увидел его впервые. Высокий, он стоял спиной к высокому окну, в лучах майского солнца. В лице его было ожидание чего-то хорошего, замечательного, что он готов был радушно приветствовать. Торжественный столичный зал гудел от шумной публики, но Соловейчик стоял один, вокруг него был только падающий из окна свет.

Через неделю мы увиделись совсем в другой обстановке. С очередным сердечным приступом Соловейчик попал в больницу, я пришёл его навестить. Ещё не успел с порога сказать: «Здравствуйте, Симон Львович...» – как он весело вскочил с койки всё с тем же, теперь уже родным мне, выражением лица. Мы стали говорить о Пушкине...

Больница была хорошей, Симон Львович был весел, но что-то кольнуло меня. Мелькнула мысль: как, наверное, больно жить в наши дни с такой открытой расположенностью к миру, с такой доброжелательностью и ожиданием только хорошего... Но, видно, он, счастливый, никогда не думает об этом, он не боится в очередной раз ошибиться в тех новостях, что уже, как пули, летят к его сердцу.

Нет, я не видел более счастливого лица, чем лицо Симона Соловейчика. Наверное, эта способность к счастью была ему

дана от рождения. Одним детям достались математические способности, другим – артистические, а ему досталась просто способность к счастью. Правильнее было бы назвать эту способность даром. Дар быть счастливым вопреки несчастным обстоятельствам, несправедливостям, эпохе, болезням. Какой согревающий всех вокруг дар!

«...Я вырос в огромной коммунальной квартире и всю жизнь прожил бедняком... Но несчастным не был... Ограниченный со всех сторон миллионом запретов, я прожил всю жизнь с чувством свободного человека и не могу вспомнить ни одного случая, ни единственного, когда я делал то, чего я не хочу делать, говорил то, что мне неприятно говорить, или писал то, что писать не хотел бы...»

Это было какое-то совершенно особенное, чуткое к другим людям счастье. Для Соловейчика не было мимолётных встреч, он как-то успевал быть внимательным ко всем, с кем пересекалась его жизнь. Я успел ощутить на себе это ласковое внимание, хотя познакомился с Соловейчиком в последний год его жизни. Ему в больницу привозили гранки, авторские материалы. Когда ему что-то особенно приходилось по душе, он тут же, между уколами и кардиограммами, спешил позвонить автору, задыхаясь от одышки, сказать добрые слова и объявить, что гонорар можно получить уже сейчас, сразу, не дожидаясь публикации.

Замечательно сказал о Соловейчике Валерий Аграновский: «Наш Паганель...» С жюльверновским героем Соловейчика роднила не только внешность, но и характер, привычки, неустанное просветительство, любовь к музыке. Как Паганель, услышавший в пустыне «*Il mio tesoro intanto*» из «Дон-Жуана», так Соловейчик слышал музыку там, где никто ничего особенного не слышал. Он находил выдающихся людей там, где их никто не замечал. Его географией

была педагогика. И как Паганель, стоя на борту «Дункана», боялся пропустить хоть единый прибрежный уголок, пролив или остров, так Соловейчик боялся упустить незамеченной хоть крупницу добра и таланта. Шалва Амонашвили рассказывал мне: «Соловейчик создал в статьях мой образ. Он понял во мне что-то такое главное, чего и я не знал. Так он создал образ Шаталова, образ Лысенковой – и эти люди оправдали образы, которые были им предложены...»

Любил смотреть на звёзды. Как и Паганель, он «занят был больше делами небесными, чем земными». Ещё мальчишкой, в сорок четвёртом году, Сима сделал доклад на научной конференции о космических частицах.

Один звук его фамилии внушал людям радость. Причём это началось задолго до того, как он стал известным публицистом, педагогом, философом. Его однокурсница по филфаку МГУ рассказывала мне: «Помню, на первом курсе мы все сидим в огромном зале, а кто-то на трибуне докладывает об итогах сбора картошки. Иванов собрал столько-то, Петров – столько-то, а студент Воробейчик собрал шестьсот килограммов картошки... Тут из зала раздался тоненький мальчишеский голос: „Я не Воробейчик, я – Соловейчик!..“ Зал грохнул от смеха, и все как-то сразу почувствовали себя свободно, вздохнули с облегчением...»

Мальчик-очкарик со смешной фамилией был то неудержимо смешлив, то необыкновенно серьёзен. В этом он был похож на своих ровесников. Пахнущее керосином дворовое детство. Коммунальная квартира. Мечта стать репортёром, как отец. «Я и родился во дворе редакции газеты „Красный Крым“ в Симферополе...»

Когда началась война, Симе было только десять лет. Эвакуация, кипятики на станциях, деревенская школа, обмороженные ноги...

«Моя детская жизнь закончилась в феврале 1943 года, когда арестовали маму. Это было в эвакуации, мы жили в небольшом городке за Уралом, жили вчетвером – мама, бабушка, маленькая моя сестра и я... Под утро маму увели, и я остался старшим в семье... С этого дня я всегда чувствовал себя старшим...»

Маму через несколько месяцев освободили, но она, фармацевт по профессии, тут же добровольцем ушла на фронт. Вернее, уехала с санитарным поездом.

Двенадцатилетний мальчик привёз бабушку и сестру домой, в Москву. Стал учиться в 324-й школе. Английский преподавал фронтовик без обеих ног. Логику – учительница, только что вернувшаяся из немецкого плена. Я был у неё в гостях на Бескудниковском бульваре, её зовут Нина Григорьевна Эрастова. Пятьдесят пять лет она хранила тетрадку с сочинением десятиклассника Симы Соловейчика.

– У меня Симы нет даже на общих фотографиях. Так получилось, другие выпуски есть, а этого нет. Вот выпуск Олега Басилашвили, они были младше, Сима был у Олега вожатым...

После девятого класса ему предложили поехать вожатым в пионерский лагерь МИДа. Обещали выдать шёлковую рубашку и туфли с посольского склада. «Дали мне отряд из тридцати одиннадцатилетних мальчишек – я хлебнул педагогики сразу и досыта...»

Туфли потом бабушка продала на рынке. Но Симе их было не жаль – он нашёл дело на всю жизнь. Он понял, что будет заниматься с детьми и писать о детях.

Но судьба повела его к назначенной цели окольным и запутанным маршрутом. Опять же, как потом оказалось, к счастью.

Распределили его в библиотечный техникум в городок Зубцов, там он чуть не стал председателем колхоза (был такой партийный эксперимент – посылать учителей в отстающие колхозы на руководящую работу). В председатели его не взяли, хотя он очень к этому стремился и даже жениться срочно собрался – какой же председатель без жены? Тем временем место преподавателя в техникуме он потерял и с радостью вернулся в Москву. Работал репортёром в газете на строительстве стадиона в Лужниках. В журнале «Пионер» вёл колонку для мальчишек. Женился. Сын Артём родился в тот день, когда отца приняли на работу в «Комсомольскую правду». На дворе был шестидесятый год. Подросткам шестидесятых – семидесятых

повезло – у них был «Алый парус»; незабываемая, неповторимая страница в «Комсомолке». Появилась она на свет благодаря Соловейчику и московскому десятикласснику Алёше Ивкину, ставшему первым капитаном «Алого паруса».

Тогда, в командировках по стране, в дни первой славы и первых конфликтов с начальством, Соловейчик пришел к тем принципам своей работы журналиста, от которых уже никогда не отступал. Это были тайные, внутренние принципы, но читателям они были абсолютно ясны. Сам он написал о них лишь в конце жизни, отвечая на какой-то вопрос. «...Знать только добрых людей... общаться только со значительным». И вот, пожалуй, самое важное: «Я боюсь сказать, а тем более написать что-нибудь дурное о человеке, но если я чувствую в нём правду, то пусть хоть весь мир отвернётся от него, мне не страшно написать, что он талантлив». Соловейчик не понимал, что значит «перехвалить» человека, тем более – маленького. Восхищение детьми, природой, музыкой, талантливыми людьми – это было его постоянное состояние. Он сделал своё восхищение жанром журналистики.

Только на первый взгляд могло показаться, что Соловейчик писал о тонкостях воспитания и нюансах учительской работы. Это всё был разговор о жизни. Причём разговор ободряющий и дружеский, без тени назидания. Его статьи, очерки, еженедельные колонки нарушали давнюю, чуть ли не со Средних веков идущую традицию, по которой философы-моралисты должны быть редкими занудами. Он умел говорить ясно о таинственных вещах и таинственно – о простых и привычных. Многим своим читателям он открыл глаза на собственных детей.

На весь Советский Союз он сказал когда-то, что детей надо баловать. Тысячи советских семей расстались с ремнём как воспитательным средством. Он говорил неслыханные вещи, поэтому на него не могла не ополчиться казарменная педагогика. Да и сегодня многие ли с ним согласятся и, главное, многие ли из нас готовы за ним последовать?

«...своих детей надо оставить в покое...»

«...нельзя разоблачать детей, что бы они ни совершили...»

«...иногда приходится спасать детей от детского сада, от школы, от порядка...»

«...в школе нельзя публично обсуждать детские поступки и слабое учение...»

«...детей нельзя упрекать...»

Последняя его статья в «Литературной газете» так и называлась: «Не упрекай...»

Газета, созданная в 1992 году Соловейчиком и названная им «Первое сентября», находилась в странной изоляции от печатного рынка. Её было не купить в киоске или на газетном развале в метро. Наверное, в этом есть вина самой соловейчиковской газеты, абсолютно неприменимой и ненужной в быту, необходимой лишь в бытии.

Ведь в ней не было ни криминальной хроники, ни политики, ни программы телевидения. Только мысль и чувство. Когда газета для учителей и родителей только задумывалась, Соловейчик твёрдо решил, что в ней не будет даже фотографий. «Но почему же?» – недоумевали поражённые таким радикализмом коллеги. «Фотографии, – объяснял Соловейчик, – занимают место, оно нам нужно для мыслей».

В этом не было позы, желания прослыть элитарным. Только жалость к учителю, заторканному, уставшему. Всё, что не могло поддержать его, дать ему пищу для ума и сердца, Соловейчик отсекал, не считаясь ни с очевидной выгодой, ни со сложившимися традициями.

«Чем горше жизнь, тем милосерднее должны мы быть... Как я бы хотел, чтобы каждый номер нашей газеты был маленьким актом милосердия... И даже то, что мы о многом умалчиваем, иногда равно милосердию...»

Свою последнюю книгу он так и назвал – «Последняя книга». Это был шаг бесстрашный и страшный. Мне и сейчас кажется, что нельзя было так называть эту книгу – очень светлую, местами даже весёлую, полную счастливых воспоминаний и размышлений. Но, как говорил Соловейчик, «счастье вообще удел мужественных людей», и, возможно, поэтому я чего-то не понимаю.

А в книге столько доверия к читателю, столько стремления его обнадёжить. После этой книги, вопреки её грустному названию, хочется жить светло, безудельно, деятельно. Вот и Жак Паганель возникает в «Последней книге» – на сто шестьдесят девятой странице. «Чудак Паганель...»

Дмитрий ШЕВАРОВ,
журналист, писатель, литературовед

Наградами не унижен *О рыцаре непечального образа Симоне Соловейчике*

Иногда журналы делают лицо времени. Люди узнают близких по духовному созвучию, судя по тому, какой журнал они читают, в какой журнал верят, какой журнал ждут.

В шестидесятые годы уже ушедшего XX века достаточно было спросить, читаете ли вы журнал «Октябрь» Всеволода Кочетова или «Новый мир» Александра Твардовского... чтобы распознать, как сказали бы сегодня, *социальную и интеллектуальную сеть* того или иного собеседника, его ценностный портрет.

В мире образования бурных 1990-х годов был и свой «Новый мир», и свой Александр Твардовский.

Таким *Новым миром* в буквальном смысле стала газета «Первое сентября». Таким духовным архитектором интеллектуальной и интеллигентной сети был (и остаётся!) рыцарь непечального образа – *Воспитатель Учителей* – писатель Симон Соловейчик.

Симон Соловейчик – и порождение Культуры Достоинства, плоть от плоти её – и демиург, создававший эту культуру по образу и подобию своему.

Когда я думаю о том, с кем из нравственных ориентиров эпохи его сравнить, то в сознании встают такие разные герои нашего времени, как Дмитрий Лихачёв, Булат Окуджава, Александр Галич, Януш Корчак, Андрей Сахаров, Владимир Тендряков, Даниил Гранин... Но вряд ли стоит заниматься сравнением несравнимого. Упомяну лишь, что брошенная однажды Владимиром Тендряковым фраза: «Наградами не унижен» – полностью применима и к Симону Соловейчику. Он (в отличие, например, от возмутителя спокойствия философа и методолога Г.П. Щедровицкого) никогда не играл с Системой и «казарменной педагогикой» в кошки-мышки, надеясь, что Систему переиграет. Симон Соловейчик всегда был поверх барьеров, санов и социальных статусов Системы. И... своей верой в добро в бесчеловечном мире делал этот мир и более добрым, и более достойным.

Он как бы определял себя в другом нравственном измерении, приглашая детей, учителей и школу очутиться в ином Космосе – Космосе *Педагогики для всех*. Очутиться и ощутить, что можно жить по-иному. Жить по-иному и не превратиться, говоря словами мудрого русского писателя Николая Лескова, в «добровольца оподления». И поэтому Симон Соловейчик мог бы спокойно, без пафоса, повторить от себя слова Януша Корчака из известной поэмы Александра Галича:

*Осени меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде, и в праздновании
Был слугой твоим и королём.
Я старался сделать всё, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,
Если есть на свете детский Бог:
Всё я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.*

О том, как делать мир другим, неся высшую веру – веру в Достоинство человека – эта книга.

Александр Асмолов,
*зав. кафедрой психологии личности МГУ, директор Школы антропологии
будущего РАНХиГС, академик РАО*

«Воспитание школы»: обратная перспектива

Предисловие от редакторов книги

Газета «Первое сентября» – последняя, но особенно плодотворная глава в жизни Симона Соловейчика, в чём-то наиболее значимом обобщающая предыдущие главы его творчества.

Всякая мысль реализуется либо в деле, либо во времени. Почти всегда обнаруживается, что идеи и слова, получившие временную перспективу, становятся весомее и точнее. Мы убедились в этом, когда четверть века назад собрали вместе материалы о школе, разбросанные по разным номерам газеты. Мы изумлялись, наблюдая, как публицистические по способу создания статьи Симона Соловейчика складываются в фундаментальное исследование, которое мы и представляем с радостью на суд читателя.

Оказалось, что написанные вроде бы «по случаю» статьи затрагивали самое существенное в проблемах, которым были посвящены. И наоборот, в таких, казалось бы, отвлечённых, теоретических материалах, как манифесты «Человек свободный» и «От ученика – к личности», всякий раз отчётливо проявлялась особенность Симона Соловейчика – умение видеть перед собой конкретного ребёнка и конкретного, не выдуманного учителя.

Рецензентами и оппонентами своих ключевых мыслей о школе Соловейчик с самого начала журналистской биографии избрал учителей и родителей, а не учёный совет. В этих статьях вы не обнаружите ни наукообразности, ни однозначности, ни назидательной категоричности.

Тогда что? На наш взгляд – чистую педагогику.

В каждой фразе Соловейчика достаточно объёма, чтобы в ней мог уместиться всякий человек. Там почти не встречается мест, где хочется сказать: ну, это не для меня.

Эта завоёванная многолетним трудом, невероятными усилиями глубина в текстах Соловейчика, по-видимому, и есть его самое большое достижение. Если вам удастся услышать этот обертон, то поверьте: вы поймёте о воспитании нечто совершенно особенное. То, что словами не передать.

Андрей Русаков, Елена Бирюкова, Артём Соловейчик

Часть I

Знание и достоинство

Комментарий к первой части от редакторов книги

Школа, считал Симон Соловейчик, способна вернуть детям тот великий шанс достойной жизни, который часто отнимают у них социальное положение и семейные трудности. Это едва ли не главное основание, позволяющее быть «школоцентристом». Но школе-то удобно с благополучными детьми – хотя как раз они без школы проживут. И школьное стремление к благополучию с благополучными зачастую формируется на отторжении всех, кому не так повезло.

Всю жизнь Соловейчик присматривался к самым разным педагогическим поискам: одними восхищался, другие ценил, третьи критиковал, в четвёртых сомневался. Но важнейшими открытиями считал те, что нацелены на тот узел противоречий, который он обозначил словами *«знание и достоинство»*.

Одно обстоятельство очевидно: школа обязана поддерживать внутренние силы каждого ученика. А другое и вовсе тривиально: школа должна давать знания. Сколько бы мы ни рассуждали, те знания или не те, вытекает ли развитие из знаний, обгоняет их или от них отталкивается; сколько бы ни ставили перед школой другие цели (справедливые и, вероятно, более важные); как бы ни отворачивались с усмешкой от допотопных ЗУНов – никуда школе не деться от необходимости учить. Или она перестанет быть школой. Как научиться давать знания всем, без отбора, без исключения – но и без подавления учеников, без ущемления чьего-то достоинства? Именно эту проблему Симон Соловейчик считал самым сложным препятствием на пути очеловечивания массовой школы.

Почему я идеалист?

Иногда от отчаяния думают о том, как отменить школу. Но заменить систематическое образование ничем нельзя, а вот сделать учение не таким мучительным – можно

Жанр педагогические размышления, или педагогические раздумья, появился, если я не ошибаюсь, во второй половине 50-х годов в «Комсомольской правде». До тех пор неофициальному человеку публично размышлять не позволялось. Прошли годы, рубрика «Педагогические раздумья» приелась, и сейчас ни одна уважающая себя газета не поставит её. Да и что за слово такое – «раздумья». Сразу почему-то вспоминается Козьма Прутков.

И всё-таки непрерывно думаешь о школе. Так хочется, чтобы она была хотя бы не бесполезной, хотя бы не мучительной для детей.

Сейчас опять входит в моду длинное слово «школоцентризм». Доказывают, что человек получает образование не в школе, а так – отовсюду. И особенно от телевидения. Поэтому, мол, нельзя сосредоточиваться на школе, нельзя преувеличивать значение школы в образовании, а наоборот, следует заниматься чем угодно, кроме школы. А школоцентризм – вредное направление ума, оно уводит, считается, от единственно верного представления о том, что воспитывает всё, и вот этим-то всем и следует заниматься умному человеку.

Вне всякого сомнения, каждый из нас может рассказать истории о том, как кто-то или что-то повлияли на него больше, чем школа. И профессию мы редко выбираем под влиянием школьных уроков. Всё так. Но влияние и образование – совершенно разные вещи. Влияние семьи, двора, друзей, книг подталкивает, направляет интерес, мотивирует, заставляет учиться или, бывает, не учиться. Влияние – от встреч с людьми, и даже в школе учит не школа, а кто-то один из учителей. Я не могу назвать себя учеником Геннадия Николаевича Поспелова, это была бы слишком большая честь для меня, но должен сказать, что всё университетское образование, несмотря на великое множество разных предметов, – от него. Пять экзаменов Поспелову любого человека на всю жизнь закалят и научат любовному, хоть и несколько скептическому отношению к литературе. А заодно и нестандартному, необщепризнанному отношению к книгам и даже к людям. Ум, способность не восторгаться, а действительно анализировать – вот были свойства Геннадия Николаевича; но что может больше повлиять на молодого человека, чем встречи с умом?

Позже я много раз убеждался в том, что влияние отдельного учителя нельзя переоценить. Вот совсем не учится мальчишка, но в пятом классе попадает к учительнице английского, она почему-то хвалит его, иногда даже ставит пятёрки, мальчишка набирается сил, у него появляется вера в себя – и вся жизнь его меняется, причём навсегда. Как будто взяли за шиворот, повернули в другую сторону и слегка подтолкнули – иди!

Частное, единичное, иногда даже мгновенное влияние, мгновенная встреча со значительным, значимым человеком – великое событие в каждой жизни. Школа незаменима, в частности, ещё и потому, что вероятность встретить значительного человека в школе гораздо больше, чем где-нибудь ещё.

Много раз писал: для того чтобы тащить бревно, нужны усилия всех десяти рабочих, которые подошли к нему и подняли его. А для духовного развития вполне достаточно, чтобы из десяти учителей хотя бы один был духовным человеком.

Вот это и воодушевляет: совершенно не обязательно каждому учителю быть прекрасным педагогом, это, может быть, и перебор (хотя в воспоминаниях часто встречается фраза: «В нашей школе были замечательные учителя» – все!); но, оказывается, и один на школьном поле воин, и один может перетягивать всех. Надо лишь, чтобы этого одного не гнали, чтобы

ему не завидовали, не интриговали против него. Надо, чтобы (ненавистное сочетание слов: «надо, чтобы...» – ненавистное, потому что сказать всегда легче, чем сделать, и многим людям кажется, что если они произнесли «надо, чтобы...», то так оно и будет) – надо, чтобы в школе учителя ценили не только по знаниям его и умению держать класс, но и по главному качеству – по духовному влиянию на детей. И по способности поддерживать в детях их слабый дух.

Если видеть в школе лишь образовательно-воспитательное учреждение, то и в самом деле она может проиграть соревнование, с книгами, например; но если понимать значение школы как средство влияния на ребёнка, то её ничем не заменишь. Надо лишь, чтобы школоцентристы не обижались на это нелепое прозвище и делали своё дело – улучшали школу, именно школу, невзирая ни на что.

Теории – отменить школу или заменить её чем-нибудь – появляются постоянно, с некоторой периодичностью. На мой взгляд, это теории отчаяния. Ну вот бьёмся, думают люди, бьёмся, а ничего с этой школой не получается – может, и вовсе отменить её? Создают заманчивые проекты, по которым никакой школы нет, но дети сами свободно ходят к тому или иному учителю, сами определяют, чем им заниматься, и тогда не будет этой глупости (так говорят), что школа отвечает на вопросы, которые ребёнок не задаёт. Всё красиво, всё замечательно, всё подобное должно быть опубликовано, должно быть на слуху – как возможность. Но всё это рассчитано на идеальное общество, на идеальных родителей, на идеальных учителей. На практике всё не так. На практике даже невинное погружение – обучение детей одной лишь математике в течение, скажем, двух недель, потом биологии, – даже такое психологически бесспорное устройство занятий на самом деле превращается в мучение для детей, потому что хорошо погружаться на две недели с весёлым и строгим математиком, но как выжить такие же две недели с крикливой биологичкой? Да простят мне учительницы биологии – в реальной жизни в том примере, который мне вспомнился, всё было наоборот.

Школа, увы, редко может набрать одних лишь талантливых учителей; но в хорошей школе соблюдается некий баланс – хороших больше или, по крайней мере, есть и хорошие. Но даже если есть один сильный, влиятельный, духовно значительный человек, то и в этом случае школа целиком оправдывает себя.

Однако главное в другом. Это другое настолько известно, настолько понятно, что неловко и писать. Но все же: заменить систематическое, регулярное образование ничем нельзя. История знает много гениальных самоучек, но это исключения.

Что-то есть таинственное в этой нудной череде уроков, в этом постепенном накоплении знаний, в этом медленном развитии, которое даёт школа. И хотя многим нетерпеливым людям кажется, что школа и университет учат очень долго, почти до 25 лет, сократить этот срок даже при самых изощрённых педагогических технологиях представляется невозможным.

Отдельные талантливые ребята могут учиться быстро и чуть ли не в 12 лет поступать в университет. Но школа – это прежде всего учебное заведение для всех, массовое. Конечно, обидно видеть, как шаталовские ученики проходят годовой курс за четверть, если не за неделю, обидно, что не всюду так. Школа – огромная растрата времени, причём какого времени – детского! Одно из самых грустных впечатлений жизни – разговор с молодым и талантливым художником. Я спросил его, как он учился в школе, как относится к ней; он махнул рукой: «Зря одиннадцать лет потерял». И столько досады было в его словах, что я не стал ни спрашивать о подробностях, ни переубеждать, ни спорить. Съел.

Но навсегда запомнил. Конечно, конечно же, тут поле для бесконечного совершенства. Даже один пустой урок – воровство. Как будто залезли в карман налогоплательщика, вытащили некоторую сумму и пустили деньги на ветер. А если из года в год ученик ничего не делает, ничем не обогащается, никак не развивается?

Тяжёлые вопросы. Тут и главный секрет, который никак не удаётся вырвать у природы: как школе, оставаясь массовой, быть в то же время школой для каждого, со всеми его особенностями, странностями и устремлениями? Как соединить несоединимое?

Нет, я – школоцентрист ещё и потому, что твёрдо верю: со школой можно что-то сделать, это в человеческих силах, и даже в силах одного человека. В английском языке есть слово «эдюкейтор». Это больше чем педагог. Больше чем теоретик. Это человек, который работой своей оказывает влияние на все образование в стране – как Пирогов, Ушинский, барон Корф.

Сейчас таких общепризнанных эдюкейторов нет, сейчас обществу не до школы. Но в принципе же они могут быть?

На школу можно влиять гораздо больше, чем на семью и на все педагогическое пространство. Воспитывает всё, но не всё в наших руках. А школа – вот она. Её можно сделать хорошей, а можно превратить в нечто ужасное. Всё педагогическое пространство малоподатливо. Только наивные люди думают, что можно обучить родителей правильному воспитанию детей. Я всю жизнь пытался делать это – и в книжках, и на семинарах – и убедился лишь в одном: семинары посещают, а книжки читают лишь те из родителей, кто умеет воспитывать детей и без семинаров и книг. Американцы доказали это статистически: через несколько лет после самых изощрённых семинаров родители, как показали опросы, остались прежними. Нет, конечно, надо стараться, но думать, будто семья заменит школу, опрометчиво.

Говорят, что доллар, вложенный в семью, приносит в пять раз больше результатов, чем такой же доллар, вложенный в школу. Это правило, может быть, и верно в теории, но на практике ничего не даёт. Или рубль в воспитании работает не так, как доллар?

Вот почему я школоцентрист: по силе и по слабости. По силе, потому что верю в мощнейшее влияние школы на человека. По слабости, потому что не верю в наши усилия реально переменить всё педагогическое пространство.

И ещё меня всю жизнь обвиняют в идеализме. В «Первом сентября» была опубликована статья «Идеальная школа». Пришло несколько сердитых писем. Что вы, говорили, с ума сошли? Тут зарплату не платят месяцами, тут учителей не хватает, тут здания обветшали, тут всеобщая безграмотность наступает, тут развал и разрушения! А вы – идеальная школа.

Не знаю, может ли прожить жизнь человек без идеала. Думаю, что может, многие-то ведь живут.

Но школе без идеала никак нельзя. Школа – не личное дело директора или учителя, в школе дети, много детей. И если говорить по совести, то людей, не воодушевлённых каким-то идеалом, к школе допускать нельзя.

К сожалению, у нас идеал часто заменяется требованиями роно. Идеальная школа та, которая отвечает этим требованиям, по большей части формальным и нелепым. Все директора хороших школ, все замечательные учителя, каких я только знал, провели свою жизнь в сражениях с роно. И когда в 80-м году я решил стать директором школы и пошёл с разными своими предложениями к президенту АПН, то первое, о чём он меня спросил, было: «А вы с роно справитесь?»

После этого я пошёл к министру, он тоже поддержал меня, но спросил с сомнением, справлюсь ли я с роно.

Роно, за отдельными исключениями, страшен потому, что в его недрах борются две противоположные силы – административная и духовная. Так как с роно спрашивают только за административные действия, то эта поневоле бюрократическая сила обычно и побеждает. Быть заведующим роно и оставаться человеком, полным идеальных устремлений, – задача совершенно непосильная.

Но кто-то же должен думать об идеальной школе! Но кто-то же должен стремиться к ней!

Должен хотя бы потому, что не существует другого механизма улучшения школ, есть только один: идеал и стремление к нему. Отдельный человек может жить как придётся, «покорствуя судьбе»; школа же не имеет права подчиняться судьбе, предназначенной высшей администрацией. У школы больше ответственности за жизнь, чем у отдельного человека. И в то же время школа не учреждение, не предприятие, не завод, не колхоз. Школа – как человек, она живёт по всем законам одного отдельно взятого человека; её отношения с системой такие же, как и отдельного человека: она может полностью подчиняться системе, поглощаться ею, соответствовать ей, а может выламываться, бунтовать или, оставаясь собой, как-то приспосабливаться к системе. Это делал, например, Сухомлинский. У него была ни на что не похожая школа, но в контрах с роно, насколько мне известно, он не состоял.

Итак, публично объявляю: я идеалист и потому школоцентрист.

А может быть, все проще. Все мы откуда-то вышли. Одни, как известно, вышли из детства, другие выходят из школы, третьи – из университета. Моя взрослая жизнь началась в школе, при ней я и остался. Не боясь выглядеть наивным, воскликну: «Ну давайте сделаем школу человеческой!»

«Первое сентября», № 90, 1996 г.

Почему учителю трудно быть добрым

Несмотря ни на что, наша школа остаётся авторитарной. В чём секрет? Не в системе ли преподавания?

Отовсюду раздаются голоса, что, несмотря на все усилия, на все призывы, несмотря на многолетнюю борьбу передовых педагогов, наша школа остаётся сугубо авторитарной.

Часто говорят, что авторитарный – от слова «авторитет», а учение без авторитета невозможно. Получается, что авторитарность в той или иной степени заложена в самом процессе учения и, таким образом, неизбежна. Противников авторитарности объявляют чуть ли не врагами школы, обвиняют в том, что они хотят разрушить школу. Сегодня может показаться, что эти обвинители правы. Лишь только снижается уровень авторитарности, в школе становится больше беспорядка. Все сердятся – и учителя, и родители, да и сами ученики. Вольная вольница не такая уж сладкая жизнь, как кажется. Полная свобода хороша только на расстоянии.

Так что же, может быть, эта борьба с авторитарностью была ложной? Может быть, и хорошо, что ничего не изменилось в школе? Может быть, неавторитарная школа – это утопия, ещё одна либеральная, социалистическая утопия, которых немало было в образовании?

Утверждают, что с детьми можно обращаться только так – строго, с окриком, зычным голосом, потому что они признают только силу. Их с первого класса приучили подчиняться силе, и теперь всякие попытки обращаться с ними по-доброму приводят к краху дисциплины.

Все эти разговоры и доводы нельзя просто отбросить; время, когда брали криком, когда объявляли друг друга чуть ли не врагами народа, прошло.

И вместе с тем пришло другое время. Может быть, наиболее подходящее во всей истории страны время строить антиавторитарную, демократическую школу – школу, в которой и учителя, и дети чувствовали бы себя людьми, свободными от всех форм угнетения, школу, в которую дети шли бы с радостью.

Ведь есть же такие школы. И у нас они есть. И значит, они в принципе возможны.

Если говорить в целом, то споры об авторитарности сводятся вот к чему: учить детей авторитарно – относительно просто, да и опыт есть. Все мы вышли из авторитарного детства. Учить же детей свободно, на свободе, для свободы – это очень сложно. И опыта нет.

А если сложно, если нет опыта, если не хочется менять и меняться, то конечно же найдутся и удобные доводы.

Причина появления и распространения в мире авторитарных школ очевидна. Маленькие и несознательные дети не хотят учиться, не понимают, зачем им учиться, сколько их ни уговаривай, сколько ни зывай к их сознательности. Учителю приходится принуждать их к учению. А там, где принуждение, там действует простой принцип: чем сильнее оно, чем больше дети боятся учителя, тем лучше результат работы. К тому же собранные в один класс 30–40 детей, а тем более подростков, – взрывоопасная масса. Если они ничего не боятся, то при их почти безграничной энергии они могут разнести класс. Учитель должен вести себя авторитарно хотя бы для того, чтобы осадить расшалившихся детей или расхулиганившихся подростков. Но нежелание детей учиться и недисциплинированность их – это явление, с которым, казалось бы, ничего не сделаешь. Однако есть и другие условия, которые делают авторитарную школу практически неизбежной.

Эти условия кроются в самой организации урока, которая остаётся неизменной на протяжении веков и вынуждает учителя к авторитарному обращению с детьми.

Вошёл учитель. Дети встали за партами. Если они не встанут, учителю никак не утихомирить их, не успокоить после перемены. Урок начинается не с ласкового «здравствуйте», а с

известной педагогической сюиты (слова народные): «Иванов, ты разве не видишь, что учитель вошёл? Петров, тебя звонок не касается? Сидоров, долго мы будем тебя ждать?» – и так далее. Эти тексты, увы, почти каждый учитель вынужден учить с самого первого своего урока.

Учитель не может не быть авторитарным при таком порядке, он просто не начнёт урок, ему придётся устанавливать дисциплину от звонка до звонка.

Наконец сели. Провели под насмешливый аккомпанемент классных остроумцев переключку. Учитель начинает опрос. Опять необходима абсолютная строгость, полная тишина, иначе начнутся шуточки-прибауточки, отказы отвечать, торги с учителем, и всё превратится в комедию. Только учитель с очень сильным характером и с крепкими голосовыми связками, словом, тот, кто умеет держать класс в руках и кто умеет нагнуть страх на детей, – только он может вызвать к доске без скандала.

Начали отвечать или решать задачу. Какая сила может удержать учеников за партами, заставить молча слушать? Зачем им слушать весь этот лепет у доски? Зачем тратить на него дорогое время жизни?

Но есть удерживающая сила: окрик учителя, грозный взгляд, ожидание всевозможных неприятностей за нарушение дисциплины.

Учитель объясняет урок иногда целых 20–30 минут. Часть учеников в старших классах его не понимают, особенно если речь идёт о математике или физике. Уследить за ходом мысли ребята не могут, однако должны сидеть тихо, не мешать учителю...

Что их удерживает? Только страх попасть в беду. Иногда этот страх называют уважением к учителю. Действительно, если учитель кроме того, что умеет прикрикнуть, вклеить двойку, вызвать родителей, ещё умеет и толково объяснить материал, и справедливо поставить отметку, то, конечно, слушать его легче.

Тут-то и проходит линия между авторитетом и авторитарностью.

Отметим одно обстоятельство, о котором редко упоминают как сторонники, так и противники авторитарной школы: ведь огромная часть детского населения земного шара учится в сугубо авторитарной школе.

Весь Восток!

Всё мусульманское духовное образование основано на том, что дети выучивают наизусть огромный по величине текст. И во многих странах мира, да и в наших среднеазиатских государствах проблемы дисциплины на уроках просто нет. И дети, и подростки молча слушают учителя, каким бы он ни был. Просто потому, что он учитель. Значит, учение может быть авторитарным. Может, если тысячелетиями учителя считали едва ли не за святого, если непослушание или нестарательность, как полагали, влекли за собой ужасное наказание со стороны Всевышнего и если школа находится в естественной восточной культуре, в восточных традициях. В этой культуре слепое и абсолютное поклонение авторитету не унижает человека, а является доблестью. Там авторитарность не разрушает личность, а укрепляет её.

Но мы живём в другой культуре, у нас дети по-другому воспитаны. До пяти лет мы их балуем, и слова «а мой шалун...» мама произносит с восхищением. Школы у нас строже, чем семьи, и поэтому авторитарное воспитание не приносит тех результатов, на которое оно рассчитано. Ученики сидят тихо у грозного учителя, но всё равно не слушают его.

Что же получается? Авторитарная школа бесполезна, она никого не может заставить учиться, тем более после того, как запрещены телесные наказания. Будем говорить прямо – авторитарная школа, как она была задумана, держалась на розгах до конца XIX века и на угрозе исключения из школы – в XX веке.

Когда розги, а затем угроза исключения исчезли, авторитарная школа стала держаться только на личных усилиях учителя.

Авторитарный учитель не получает помощи сегодня ниоткуда. Ему нечем угрожать. Ему приходится быть просто коварным.

Но хороший, увлекающий детей учитель, даже если он строгий, не выглядит для детей авторитарным, потому что дети принимают его. Известно ведь детское определение любимого учителя: строгий, но справедливый. Такой учитель умеет увлечь детей общей целью, так что им и самим интересно быстрее начать урок. То, что называют авторитарной школой, относится к учителям, не умеющим увлечь детей, но добивающимся порядка только за счёт своего характера.

Сейчас стало модным призывать школу к гуманному обращению с детьми. Кто только не произносит слова «гуманный» или «гуманистический».

Но самый простой анализ показывает, что обычный учитель при сложившейся структуре урока не может быть гуманным, сколько его ни призывай.

Если начальство произносит слова о гуманизме и при этом ничего не делает для того, чтобы изменились системы и методы преподавания, то красивые слова становятся обманом.

Может быть, хватит нам призывать к гуманизму?

Очень сильный учитель всегда гуманен. Обычный учитель при нынешнем положении дел гуманным быть не может.

Есть в мире школы, где для того, чтобы маленькие ребята собрались и настроились на урок, учительница сажает их вокруг себя на коврик. Есть школы, где детей не вызывают к доске, где все домашние задания дают в виде тестов. Находят и другие способы проверки домашней работы, чтобы не было – один говорит, испытывая терпение всего класса. Есть школы, где рассказ учителя сведён до минимума, где находят другие способы подачи материала. Есть школы, где сам процесс обучения перестроен так, что детей ни на какой стадии не приходится заставлять хотя бы потому, что вся работа им по силам.

Переделкинский манифест «Педагогика сотрудничества» вызвал интерес у педагогов именно тем, что это не очередной призыв к гуманности, а набор принципов и приёмов, которые позволяют учителю обойтись без принуждения. Учитель получает возможность, которая у него отнята в обычной школе, – возможность быть гуманным, возможность любить детей. Учитель, который владеет методами педагогики сотрудничества, может быть и строгим с детьми, и мягким по отношению к ним. У него дети добиваются успеха, причём сами. А что может быть гуманнее по отношению к ребёнку, чем научить его работать так, чтобы он испытал радость успеха?

За последнее десятилетие многие учителя бывали на уроках Шаталова и его последователей, Лысенковой и её последователей. И все отмечают: учителю не приходится повышать голос, читать нотации и даже делать замечания. Но тем не менее на уроках абсолютная дисциплина, все работают, всем интересно. Полный порядок – и полная свобода.

Наша школа остаётся авторитарной не потому, что у нас такие злые учителя, не потому, что они не умеют учить, а потому, что ни от кого – ни от министерства, ни от других органов народного образования – не слышно даже призыва к переменам в организации уроков и всей системы обучения.

«Первое сентября», № 72, 1993 г.

Как зарождается агрессия

Если весь процесс учения построен на командах и точных заданиях, учитель ни за что не может обойтись без упрёков и наказаний, а следовательно, и без конфликтов

Я решил написать эту статью после уроков, которые увидел в одной из школ. Уроки были очень интересными, а учительница показала и опытной, и развитой, и доброй.

Но вот крохотный эпизод. По заданию учительницы первоклассник записывает в тетрадке глухие и звонкие согласные. На одной строчке звонкие, на другой – глухие. Но мальчик замешкался. Звонкие (их диктует учительница) пишет, а про глухие забыл. Можно было бы напомнить ему, можно было бы спросить у него: «Ты ничего не забыл?» Но учительница избирает другую форму – форму упрёка. Она говорит: «Ты почему вторую строчку не пишешь?»

Упрёк!

Переберите школьный день любого ученика – много ли он похвал получает? Хорошо, если одну или две. А упрёки сыплются градом:

- Ты почему вторую строчку не пишешь?
- Ты почему опоздал?
- Ты почему не слушаешь учителя?
- Ты почему вертишься?
- Ты почему урок не сделал?
- Ты почему не отступил три клеточки, как я тебе сказала?

И так без конца.

Перед ребёнком постоянно возникает проблема: почему? Почему он такой плохой? Почему, в самом деле, он вертится, опаздывает и не отступает на три клеточки, как ему сказали?

Ответа на эти бесчисленные «почему» он найти не может, и это ещё усугубляет положение. Мало того что он не пишет на второй линейке, он ещё и тем виноват перед учительницей, что не может ответить на простейший её вопрос, не может объяснить, почему он выполнил задание не так, как положено. Мальчик ведь не знает, что на вопрос «почему?» не может ответить не только он, но и никто на свете, не понимает, что это просто риторика, что учительница сделала ему замечание в форме «почему», чтобы больше задеть его.

По сути, она его наказала, чуть-чуть обидела. Повторяем, что это такая крошечная обида и такой лёгкий упрёк, что и сама учительница не понимает, что же она сделала.

Она задала своё укоряющее «почему», потому что привыкла так делать. Она и сама в сложных отношениях с миром, недовольна им, привыкла нападать и обороняться.

Нападать и обороняться. Обороняться и нападать – и не с этого ли, повторим, вырастает агрессия?

Как нам сделать, чтобы ученику, когда он приходит в школу, не приходилось обороняться даже в уме, даже в глубине души? Как сделать, чтобы в школе никто на него не нападал, и тем более учительница?

Школа должна быть совершенно безопасным местом, если хотите – теплицей для души.

С этим согласятся не все. Найдутся желающие спросить: «Ну если ребёнок вырастет в таких тепличных условиях, если на него не будут нападать, то он не научится и защищаться, вырастет ранимым, пропадёт».

Кто не встречал родителей, которые жалуются на своих детей: «Мой такой добрый растёт, ну просто как телёнок. Не знаю, что с ним и будет».

Но мир наш страдает не оттого, что в нём слишком много добрых и добреньких. Мир переполнен злобой. Злоба кипит, и выкипает, и разливается по земле. Нет такой проблемы: слишком много добрых. Наоборот. Слишком много злых. И слишком много злости в наших собственных душах.

Редкий ученик полностью отвечает идеалу учителя. Идеальных учителей мало, идеальных учеников и того меньше. Ученик опаздывает, вертится, небрежно выполняет задания, не пишет на второй строчке, хотя ему сказано писать. Что же, по каждому поводу злиться? По каждому поводу наказывать? По каждому поводу – упрёк?

Наша любимая общая фраза: «Сколько раз тебе говорить?» («Тебе сто раз было сказано! Я тебе тысячу раз говорила! Я тебе миллион раз повторяла!»)

Но что же делать, если на этом держится ученик, – сто раз скажи, миллион раз повтори, а он всё своё. Упрёком можно ускорить процесс, улучшить результат, добиться успеха. Очень опытные учителя добиваются того, что дети выполняют их указания с первого слова. Но идёт ли это на пользу детям?

Дело в том, что они привыкают к послушанию. Во всём этом есть и нечто худшее: они привыкают к бездумному послушанию. «Тебе сказано – делай!» Сегодня мальчику десять лет, и он привыкает: сказано – делай. А через десять лет ему дадут в руки автомат и скажут: «Стреляй вон в тех, видишь?»

И будет сделано. Станет стрелять. Маленький упрёк порождает маленькое недовольство. Возникает микроскопический конфликт. Но он постепенно усиливается от урока к уроку и от года к году.

Вот на том же уроке: учительница старается говорить ласковым голосом, а маленькая девочка на третьей парте зевает во весь рот. Она не на уроке, ей тут неинтересно. Она пришла в школу потому, что её заставляют приходить, потому, что её будут ругать, если она не придёт, или по крайней мере упрекнут.

Скука, упрёк, попрек, наказание – в нашем арсенале широкий набор педагогических способов заставить ребёнка учиться.

Заставить, а не побудить. В нашей школе, в нашем педагогическом языке практически нет слов «мотивация», «мотивировать». Многим они кажутся чужими, иностранными, непривычными. Мы знаем слова «заставить», «принудить», в лучшем случае – «побудить». Каждое из них предполагает какое-то воздействие на ученика.

Но мотивация – другое, мотив – это та причина, по которой ученик сам старается учиться. В идеале школа должна быть устроена так, чтобы на каждом шагу возникала эта самая мотивация, чтобы учение было не целью учительских заданий и ученического исполнения их, а чем-то совсем другим. Чтобы это было увлекательное для ученика действие.

Если весь процесс учения построен на командах и точных заданиях, учитель ни за что не может обойтись без упрёков и наказаний, а следовательно, и без конфликтов. Конечно, хороший учитель, внимательный к детям, вовремя остановит развитие конфликта. Не доведёт его до прямого непослушания – этого маленького школьного бунта. Но все ли мы настолько терпеливы? Всегда ли мы терпеливы?

Сегодня в школу очень медленно входят новые методы преподавания – развивающее обучение, метод Монтессори, вальдорфский метод. Они все объединены одним: если учитель пользуется ими, то ему не приходится упрекать и наказывать учеников. Учитель становится добрым не только потому, что он добрый человек, но и потому, что ему не нужно злостью, резким голосом, упрёком и наказанием заставлять детей учиться. У детей в таких школах очень высокая мотивация – они не выполняют задание, не отвечают на требования учителя, а просто вместе работают, и притом с интересом. Уровень агрессии в таких школах значительно снижен.

Ведь что получается от мини-конфликтов? Школьный класс разваливается, как семья, созревшая для развода. Дети, привыкшие к упрёкам, постепенно перестают воспринимать их. Сегодня учитель мимоходом бросил:

– Ты почему не пишешь вторую строчку?

Завтра ему придётся сказать:

– Сколько раз тебе говорить?

Ещё через год ученик будет внутренне отвечать учителю.

А спустя два-три года начнёт отвечать вслух, дерзить, а то и просто огрызаться. Постепенно получится так, что учитель и ученик говорят на разных языках. Что бы учитель ни сказал, у школьника готов ответ. И всякий диалог превращается в баталию.

Обе стороны словно тренируются, накачивают мускулы. Ученик становится всё более дерзким, а учитель – всё более грубым.

И вот выпускной класс, а в нём – словно две воюющие армии – учителя и ученики.

Но самое страшное, что, натренированные школой, ученики вообще перестают признавать старших, для них нет никакого авторитета, их никто не может остановить. Если взрослый делает им замечание, они набрасываются на него с кулаками, а то ещё повалят и избыют. Потом мы все ужасаемся: как такие выросли, отчего они стали такими? Почему они могут ни за что ни про что насмерть забить человека?

Не будем слишком прямолинейными. Не будем устанавливать слишком жёсткие связи между причинами и следствиями. Но кто знает, какой пагубный процесс начался в тот день, когда учительница спросила:

– Ты почему не пишешь вторую строчку?

Ведь причиной самых ужасных болезней становится микроб, едва различимый под микроскопом.

Ещё и ещё раз скажу: уроки, которые я увидел, были очень интересными, учительница заслуживает всяческих похвал. Но я остановился на том, что обычно не привлекает внимания, на том, что общепринято в школе.

И мало ли ещё такого общепринятого, от которого иные из наших детей становятся злыми и готовыми к агрессии?

Конечно, дети разные. Из разных семей. И школа не может одна отвечать за результат воспитания. Конечно, как бы ни старалась школа, всё равно вырастут люди, готовые к политическим разборкам. Увы, будут и преступники, будут и боевики, школа не может одна переустроить жизнь и создать идеальное общество. От воспитания многое зависит, но не всё.

Однако мы – учителя, в наших руках дети, детское учение, и мы должны делать все, чтобы бури, которые сотрясают страну, были не такими разрушительными, чтобы с каждым человеком можно было договориться.

«Первое сентября», № 79, 1993 г.

Не кричите на детей

Можно ли поставить в заслугу учителю испуганную тишину в классе?

Первым кричать начинает ребёнок. Нельзя сказать, что беззлобно, некоторые дети как будто бы и рождаются сердитыми. Но ребёнок кричит не на кого-то, а скорее на самого себя.

А потом весь мир берёт реванш. Сначала на ребёнка кричит мама. Хорошо, что он её не понимает, а то услышал бы: «Да замолчишь ты, проклятый?»

Не успеет подрасти, начинает кричать отец. Некоторые отцы уверены, что если трёхмесячный ребёнок кричит ночь напролёт, то он это делает нарочно и назло, что у него такой дурной характер и что он вырастет негодяем.

А потом кричат в детском саду. Подходя к детскому саду, ещё держа маму за руку, мальчик высматривает, какая из двух его воспитательниц сегодня работает. Если одна, он охотно бежит в садик, если другая – у него тут же начинает болеть живот, и выясняется, что в детский сад идти сегодня нельзя. Немножко расспросишь его, и окажется, что вторая воспитательница жутко кричит.

Вечером, когда ребёнка приводят домой и он с мамой поднимается по лестнице, крики доносятся из-за каждой двери, со всех сторон лестничной площадки: отсюда женский крик, из-за той двери – мужские проклятия, и слева, и справа... Поднялись этажом выше – и там кричат.

Постепенно ребёнок привыкает к тому, что в этом мире все кричат, у всех испорчены нервы, все раздражены и по любому поводу пускаются в крик. Он уже и сам не разговаривает с мамой, а кричит: «А чего всё я да я?», «А ты видела?»

Но как бы ребёнок ни был приучен к крику, для него сначала бывает неожиданностью, что и учительница в школе кричит.

Он идёт по школьному коридору, и из-за каждой двери, как на лестнице дома с коммунальными квартирами, доносятся крики. Почему учитель кричит на детей?

Вся система преподавания держится на том, что в классе должна быть тишина. Тишина – главная доблесть учителя в глазах директора. Если в классе тихо, значит, хороший учитель, крепкий, умеет держать класс. Как он учит, чему учит – это все второстепенно, лишь бы держал класс, лишь бы на его уроках было тихо.

Мы так привыкли к тишине в классе, что когда ребята слегка переговариваются, учитель извиняется перед проверяющим и объясняет: «Это у нас рабочий шум», то есть это – исключение, а вообще-то у меня тихо.

Когда тишина на уроке становится главной и первой ценностью, главным критерием оценки работы, учитель вынужден принимать все меры, чтобы добиться её, и если ребята начинают шуметь, то что ему делать? Крикнуть на них так, чтоб услышали, перекричать тридцать детей. Не удалось? Крикни погромче.

Выходит, что главная причина учительского крика не в самом учителе, а в директоре, администрации, которая не терпит шума в школе.

Бесполезен и опасен

Почему дети вызывают на крик?

Станным образом дети и не любят, когда кричит учитель, и любят – это зависит от того, выражает ли крик силу учителя или слабость.

Если учитель кричит на одного, да так, что вздрогнешь и сожмёшься, – его боятся и не любят.

Если учитель кричит на всех и дети чувствуют, что они сильнее учителя, крик его доставляет им удовольствие. Они откровенно смеются, они расходятся, они превращаются в маленькую толпу зверёнышей, и остановить их, перекричать почти невозможно.

В первом случае крик опасен, он почти как насилие, как избиение.

Во втором случае он, понятное дело, бесполезен.

Крик учителя всегда опасен для детей. Он или приучает действовать силой, унижать человека, или понижает порог чувствительности. Ребёнок привыкает к тому, что и он может кричать, и на него могут кричать.

Появляется страшная привычка к насилию, к жизни в мире насилия.

Мы этого не замечаем. Если учитель ударит ребёнка, его могут и уволить. Если он кричит – это считается чуть ли не в порядке вещей. Ну, может быть, кто-нибудь поморщится: «Что уж она так?»

Но вообще-то в каждой школе все знают, кто из учителей кричит, а кто не повышает голоса.

Когда страшно поднять глаза

Но иногда учителя кричат не от силы и не от слабости, и не потому, что считают это необходимым, а просто от раздражения.

Чуть что не так сказал ученик, и учительница не может сдержать себя, раздражение охватывает её с головы до ног, и она срывается на крик. Ребёнок стоит перед ней беззащитный, ему некуда деться, и в какой бы грубой семье он ни вырос, он не может ответить криком, потому что ему внушили, что случится что-то ужасное.

Заметим, что раздражение всегда направлено на слабого. Сильного боятся, слабый вызывает раздражение. Не получая ответа и чувствуя свою безнаказанность, учитель, можно сказать, распускается. Теперь у него одна реакция на все: раздражение и крик. Класс сидит как мёртвый. Каждый боится поднять глаза, чтобы не встретиться со взглядом вечно раздражённого учителя, чтобы не вызвать огонь на себя.

В таких случаях говорят: «Да ей лечиться надо».

И в самом деле, иногда раздражительность вызывается обыкновенным недомоганием, например повышенным давлением. Но уж хотя бы это не мешает знать про себя: если вы чувствуете раздражение, то это не значит, что 6 «Б» – ужасный класс. А просто у вас сегодня поднялось давление и надо принять таблетку.

Рассказывают, что в дальних странах есть учителя, которые, прежде чем начать урок, каждому из детей дают успокоительное, иначе их не удаётся утихомирить. Но может быть, лучше успокоиться учителю?

Нужны ли учителю железные нервы?

Принято считать, что да, что только особо стойкий, особо твёрдый человек может справиться с классом. Это мнение идёт издревле, потому что испокон веку школа была ареной войны между учителем и детьми. В войне же побеждают воля, нервы и все такое.

Кроме того, что крик опасен сам по себе, он ещё и симптом страшной школьной болезни – войны детей и учителей. Где война, там грохот снарядов. Где крик – там война. Эти бесчисленные войны ведутся во многих классах; о них не рассказывают в теленовостях. Но может быть, из этих школьных войн и рождаются войны настоящие, кровавые, с пушками, танками и смертями.

Ко всеобщему ужасу, оказалось, что междоусобную войну остановить почти невозможно. Но неужели нельзя остановить войну в школе? Войну против наших детей?

В большой войне миротворческие силы помогают слабым. В школьной войне они совсем не помогают. Её должен остановить учитель. И прежде всего ему необходимо отказаться от применения силы, перестать кричать.

Крик учителя должен восприниматься так же, как и физическое насилие. Крик учителя – позор для школы.

Не провоцировать, а помогать

Может быть, из всех обязанностей директора первая – добиться мира в школе, установить всеобщий мир. Когда человек идёт по школьному коридору, он может услышать шум из-за дверей, но никогда не должен слышать учительского крика.

Как этого добиться? Прежде всего крик должен считаться служебным проступком. Учитель не имеет права кричать. Учитель, который криком держит класс, не может считаться хорошим профессионалом. Раскричавшись на детей, он должен знать, что общественное мнение коллег осудит его.

Но учителю нужно и помочь, особенно такому, который вынужден кричать от слабости и беззащитности перед расшумевшимися детьми.

Опытный директор всегда поймёт психологические причины учительского крика, поможет учителю найти, в чём же его слабость. Иногда один-два дельных совета установят если не тишину, то мир в классе. Да и просто можно сказать, что тишина в классе не такая уж большая ценность. По мнению директора, если выбирать, то пусть лучше будет шум в классе, чем крик учителя.

Ведь очень часто бывает, что учитель кричит на детей, потому что боится директора.

Ещё хуже, когда директор сам кричит на детей и даже на учителей.

Вот место, которое должно быть начисто освобождено от крика, от раздражения, в котором не должен звучать даже повышенный голос, – это учительская и, конечно, кабинет директора.

...Молодой учитель был вызван в кабинет директора за какие-то грехи. В маленькой школе все на виду, все прислушивались, что будет дальше. И действительно, через некоторое время из-за двери раздались страшные крики. Когда покрасневшийся директор вышел, кто-то из старых учителей заметил: «Что же вы кричите на учителя, Николай Иванович?». «Я кричу? Это он на меня кричал», – ответил директор. Все рассмеялись. Авторитет директора ничуть не упал, да и учителя простили: молодой и горячий.

Молодой ли, старый ли, горячий ли, раздражительный ли, больной ли, а тем более здоровый – никто не должен, никто не смеет кричать в святом месте – в школе.

«Первое сентября», № 11, 1994 г.

Чёрная метка и день судьбы

Ученик может испортить учителю настроение. Учитель может испортить ученику жизнь

ДЕЛО ИДЁТ К КОНЦУ – к концу четверти, к концу учебного года, а для многих – к окончанию школы.

Ещё немного, и учителя начнут совещаться – кого перевести, кого оставить на второй год, кого принять в десятый, от кого постараться избавиться, кому дать выпускной документ, кому не давать.

Все принимаемые в конце учебного года решения – это решения о судьбе ребёнка: что с ним будет дальше? По прямому ли, по кривому ли пути пойдёт если не вся его жизнь, то во всяком случае юность?

Оставили на второй год – в семье ощущение беды, сам подросток чувствует себя несчастным, жизнь ему немила, и неизвестно, станет ли он учиться дальше, найдёт ли в себе силы приспособиться к нелёгкой жизни второгодника.

Не взяли в десятый – значит выброшен из ушедшего дальше поезда, где были свой вагон, своё купе, своё место. Человек без места, человек, не включённый в какой-то список, человек, за которого никто не отвечает, – легко ли ему?

Не дали должного аттестата, сорвали все планы, отметили на всю жизнь как худшего в классе – тоже не всякий справится.

Школа – коварное дело для иного ребёнка. Все вроде не страшно: прогулы, двойки, ещё двойки – подумаешь! Все вместе, всем весело, предупреждения учителей не кажутся серьёзными; но наступает мгновение, и учитель, который вчера ещё ничего не мог с тобой поделать и сам казался беззащитным, приобретает огромную власть над твоей жизнью, и теперь уже ты перед ним беззащитен, потому что на его стороне закон. И вот все остались вместе, классом, а ты один.

Но и учителю нелегко принимать трудные решения! Закон законом, да ведь учитель не судья, а ученик не подсудимый, не обвиняемый и даже не подозреваемый; он обычный, ни в чём не виноватый человек, который почему-то не хочет или не может учиться. К тому же всякого совестливого учителя одолевают сомнения: а сам ли мальчишка виноват в том, что плохо учится? Может быть, в другой школе, у других учителей судьба его сложилась бы иначе? А если ему тяжело в семье, то что же ему делать, за что же его теперь ещё и школа наказывает?

А с другой стороны, забота о чести школы, о будущих её учениках. Если во всём потакать двоечнику, если переводить его, ничего не знающего, из класса в класс, то что же будет со школой? Пожелали одного – другим соблазн: значит, можно и не учиться, всё равно переведут, всё равно выпустят, всё равно дадут бумажку. Дадут, никуда не денутся!

Слом судьбы, сама возможность такого слома, власть школы над будущим ребёнка и есть тот самый страшный страх, которым школа держит многих учеников во всё время учения. Двойка – ну и что двойка? Но она своего рода чёрная метка, предупреждение, напоминание о том конечном страхе, о котором – смотри не забывай! доиграешься! На этом страхе, пусть даже и глубоко запрятанном, миллионы детей выучивались и становились людьми; на этом страхе держится огромное число школ. Многие родители и ценят школу лишь по одному показателю: как она поддерживает в ребёнке страх перед будущим, страх за судьбу. Пугает – хорошая, крепкая школа; не умеет напугать – слабая школа, бесполезная, плохая.

Вся прежняя официальная педагогика требований и наказаний опиралась в конечном счёте лишь на одно человеческое чувство – чувство страха. А поскольку оно, это чувство, есте-

ственно, поскольку совсем уж бесстрашных людей на свете довольно мало, то педагогика эта давала видимые результаты, которые теперь преподносятся как достижения советской школы, чуть ли не лучшей в мире: учила! давала знания! наших учёных по всему миру расхватывают!

И у многих людей опасения: если мы начнём строить новую школу, в которой страх будет сведён до минимума, – получится ли? Не разрушим ли мы старую, устоявшуюся, дающую прекрасные результаты, лучшую в мире школу?

«Свобода? Что за чушь? – можно услышать сегодня не только от измученного детьми учителя, но и от крупного учёного – теоретика образования. – В обществе нет свободы, и значит, школа должна приучать к жизни без свободы, вот её назначение».

Все логично. Если школа не умеет учить без страха, приходится подыскивать теоретические оправдания для тотального устрашения детей, на то и теоретики.

И вот наступает день «икс» – день платы и расплаты.

Для большинства это счастливый день. Все труды позади, школа платит по этим трудам свидетельствами, дающими определённые права, благополучным переводом в следующий класс.

Но подумаем о тех детях, которые не справились с государственным уроком и теперь должны расплачиваться за прошлые свои грехи перед школой.

Как быть учителю?

Для иного педагога это день долгожданной мести. Сколько ты надо мной издевался, сколько ты мне крови попортил, сколько я с тобой мучилась, сколько раз я тебя предупреждала, что дело кончится плохо, – и вот получай.

Такие учителя непреклонны на педсоветах. Им необходимо, чтобы справедливость торжествовала и виновный не ушёл от ответа. Сегодняшняя расправа поможет им входить в класс в будущем году. Им не кажется, что они мстят, нет, они поддерживают порядок, они укрепляют главную силу школы – страх. Жалость кажется им неуместной и опасной.

Иные, голосуя на педсовете, вообще ни о чём не думают. Ребёнок для них – один из многих, может быть, один из тысячи. Ребёнка нет перед ними, есть лишь сведения: столько-то двоек, столько-то прогулов, столько-то нарушений дисциплины. Список внушительный, а закон есть закон. Да и кому хочется заполучить в свой будущий класс второгодника?

Интересы школы многим кажутся важнее интересов одного ребёнка, его судьбы.

Отчего такие мучения, отчего учитель поставлен в дву-смысленное положение и должен делать тяжёлый выбор?

Причина во всём устройстве нашей школы, которая хороша лишь для успевающих, для подчиняющихся, для способных и совершенно не знает, что ей делать с ребёнком, который с тяжёлой (лучшей в мире!) программой не справляется.

В английской школе, тоже, кстати сказать, не самой плохой, выпускник в двух старших классах изучает лишь два предмета, выбранных им самим, и ещё два – как необязательные. У нас в выпускном свидетельстве – полтора десятка предметов, и по каждому – отметка. В виде особой милости разрешаются две двойки...

Что это – требовательность, забота о всестороннем развитии, подготовка к будущей жизни? Или жестокость, пренебрежение к судьбе подростка?

К счастью, школа добрее к ученикам, чем инструкции и законы. Надо уж очень сильно досадить учителям или директору, чтобы с тобой обошлись по инструкции. На каждый школьный закон есть определённая, хоть и не строго очерченная зона всеми принимаемого беззакония – беззакония в пользу ученика (а заодно и в пользу школы, которая таким образом сохраняет свою репутацию в глазах начальства).

Это невинное с виду спасительное беззаконие на самом деле не так уж и невинно. Именно с него начинается всеобщее неуважение к законам в государстве. Многие выносят из школы

только один урок: всё не страшно, и законы не страшны, надо лишь ладить с людьми – сегодня с учителями, завтра с начальством.

Основы жизни без соблюдения законов миллионы наших детей получают в школе.

Так всегда и бывает, когда издаются законы, соблюсти которые невозможно, – они-то и подрывают всю законность в стране.

Но пока речь идёт просто о программах, иные из которых составляются самой школой, ещё куда ни шло. Однако надвигается стандарт – государственный, обязательный, имеющий силу закона. Стандарт этот будут обходить точно так же, как сегодня обходят программы, в этом смысле ничего не изменится. Но поле беззаконности увеличится во много раз, и если сегодня учителя мучит совесть, то завтра он будет преступником в глазах государства, да и в своих собственных глазах. Сегодня он может просто пожалеть мальчишку, завтра он скажет: «Ничего не могу поделать, государственный закон, государственный стандарт».

Приближается День судьбы. Будем милостивы к своим ученикам!

«Первое сентября», № 42, 1995 г.

Кандидат на второй срок

Непременным следствием свободы должен быть настойчивый педагогический поиск. И особенно поиск в главном: в методах обучения и в программах, по которым учат детей

Перед концом учебного года, перед последним педагогическим советом учителя выдвигают своих кандидатов на второй срок обучения – кандидатов во второгодники.

Наступает решительная минута в жизни многих детей: переведут? оставят?

И для учителя это важно. Редко бывает, чтобы учитель просил перевести двоечника, а высшее начальство школы сопротивлялось. Чаще бывает наоборот: учитель просит оставить, администрация требует перевести.

Если говорить честно, все эти споры не от хорошей жизни, и правильного решения тут быть не может в принципе.

Второй год в одном и том же классе редко кому идёт на пользу, разве что ребёнку, пропустившему слишком много уроков. По большей части на второй год оставляют в виде наказания, чтобы и другим неповадно было, чтобы весь учебный год можно было держать ученика в страхе: «Смотри, ты у меня доиграешься».

В конце концов учитель доводит дело до того, что он не может не оставить ученика, не уронив свой авторитет.

Вот главная беда второгодничества: достаточно часто речь идёт не столько о знаниях, не о том, что ученику лучше ещё раз пройти материал, сколько об авторитете учителя и школы. А это тупик. Интерес живого ребёнка приносят в жертву хоть и важному, но абстрактному авторитету.

Возможно ли избежать второгодничества? Можно ли учить без плохих отметок? Это старый, вечный спор о школе. Стоит заметить, что в последнее время многие стараются избежать этого спора, сделать вид, будто проблемы нет. Приводят в пример школы, где второгодников не бывает, но на проверку оказывается, что в эти школы детей отбирают. Все готовы учить маленьких, многие научились заниматься с маленькими без двоек; но что делать со старшими ребятами? Как учить математике и физике девятиклассников и выпускников – ведь иные из них не понимают, о чём идёт речь у доски; и кто хоть раз слышал тоскливую фразу петербургской учительницы, тот никогда не забудет её. Вот эти слова: «Я преподаю поверх голов».

Надо признаться, что в последние годы так и не удалось найти школу, в которой хорошо (без двоек) учат всех не-отобранных старшеклассников. Может быть, такие школы есть, может быть, на эти слова кто-то отзовётся, но пока что, насколько нам известно, без двоек и без второгодников учат лишь в частных школах с особыми условиями (скажем, с небольшим числом учеников в классах).

А в других? А в других переводят из класса в класс учеников, которые буквально ничего не знают. Статистики, которой можно было бы верить, нет, но, по отзывам наших читателей, в реальности едва ли не половину учеников переводить в следующий класс нельзя. Пусть это количество преувеличено, но никто не станет спорить, что тысячи и тысячи неуспевающих переводят просто так, чтобы не портить школьные показатели.

Вот в чём ещё несправедливость второгодничества: одних переводят, других – нет, хотя и те и эти почти ничего не знают. Во всяком случае, ученики не всегда понимают решение педсовета.

Само собой установилось представление о приличной школе: на второй год оставляют, но не много – несколько человек. Ровно столько, чтобы не привлечь внимания начальства.

Оставишь больше – плохая школа, плохо учит; начинаются разговоры на тему «А вы знаете, сколько стоит каждый ученик?». Директор давит на учителей, угрожает карами несговорчивым, требует срочно позаниматься в дополнительном порядке – за годы процентомании средства давления отработаны до совершенства, и давно уже в школах нет трагедий из-за натянутых отметок: учитель сам натягивает их, не дожидаясь неприятностей.

Все, как говорится, утряслось. Вот эта всеобщая привычка к нынешнему состоянию школы, которое никак не назовёшь блестящим, и мешает развитию образования: зачем перемены, если дело идёт и так?

Школа устояла в буре драматичных изменений в нашей стране, но устояла в прежнем своём виде. Все то, за что бранили школу в семидесятые годы, так и осталось. Немножко больше свободы – возможность составлять свои программы и некоторая несущественная вариативность учебных планов – это не принесло школе серьёзного улучшения в главном – в обучении всех детей.

Свобода сама по себе не всегда ведёт к лучшей жизни, свобода – лишь условие для улучшения жизни. Если от предоставления или завоевания свободы дело не становится лучше, люди разочаровываются в свободе.

Непременным следствием свободы должен быть поиск – настойчивый педагогический поиск. И особенно поиск в главном: в методах обучения и в программах, по которым учат детей.

Новомодные рассуждения на тему о том, что главное – программа, что прежние учителя-новаторы не меняли основ, поскольку не трогали программу, – это же все пустое. Как бы ни сокращали программу или как бы ни усложняли её, как бы ни меняли, если учитель не обладает продуктивным методом обучения, никакие программные перемены не помогут ему – второгодничество неотвратимо (или натяжки в отметках).

Но итоги года опять и опять заставляют вернуться к нерешённым вопросам: а правильные ли у нас программы? Всем ли они по силам? Должны ли они быть одинаковыми для всех? Нельзя ли учить в одной школе одним и тем же предметам, но по разным программам, разного уровня, разной направленности? И как совместить это требование с требованиями массовой школы?

К сожалению, в стране нет сейчас ни одного авторитетного педагога-теоретика, который хотя бы пытался ответить на эти вопросы. Все занимаются вопросами частными.

Идея ввести государственные стандарты лишь запутывает всё дело. Если сегодня школа, исходя отчасти из соображений требовательности, отчасти из гуманных соображений, кое-как выпутывается из трудностей с переводом в следующий класс, то появление жёстких стандартов сделает жизнь многих учеников невыносимой. Ни при какой погоде не могут иные наши ребята соответствовать каким бы то ни было стандартам; так что же – всех на второй год? Или за дверь?

Идею стандартов обсуждают во всём мире. В американской школе тоже идёт жесточайший спор. Но вот что постепенно обнаруживается: пока эта идея представляется в самом общем виде, многие – «за»: мол, как хорошо, действительно знаний у школьников мало, пусть установят стандарты, и это заставит учителей лучше учить, а студентов (в Америке все школьники называются студентами с первого класса) – хорошо учиться.

Но лишь только доходит до конкретных текстов, до определённых стандартов, со всех сторон поднимается крик: не то! не то! По этому стандарту мы всех учить не сможем! Давайте два стандарта, три, четыре!

Но тогда сама идея превращается в очевидную тупость. Она и есть глупость, только поначалу не всем видна. У нас тоже: разработать, разработать! А как только разработчики предла-

гают нечто конкретное – шквал критики. Все думают, будто в стандарте главное – сочинить его, разработать. На самом деле главное – утвердить.

Если, конечно, не брать на себя ответственность за утверждение нелепости.

Раньше второгодничество считали браком в работе школы. Директоров прорабатывали, как рядовых заводских бракоделов. Теперь успокоились, поняли, что при современных методах и программах, при нынешних жалких школьных бюджетах от второгодничества не избавиться.

И всё же, заканчивая учебный год и утверждая кандидатов во второгодники, давайте задумаемся: что же такое второедничество?

Да и думать нечего, все знают. Второгодничество – это слабые, малокомпетентные и плохо оплачиваемые работники. Второгодничество – это преступность. Второгодничество – искалеченные судьбы подростков. Второгодничество – наш общий стыд.

«Первое сентября», № 53, 1996 г.

Действительно ли наша школа – лучшая в мире?

Если не знать чужих школ, никогда не поймёшь, на каком свете ты находишься, верно ли ведёшь дело

Никто не живёт сам по себе, все живут по традиции, по образцу, а то и по моде. И даже тот, кто хочет выглядеть совсем уж по-своему, всё равно как-то соотносится с традицией и образцом. Русская официальная (в отличие от народной) школа в её современном виде была привезена в екатерининские времена из Австрии.

Был человек по имени Янкович-де-Мириево, серб по национальности, православный – у нас почему-то его совсем не знают. Он приехал и создал первых три десятка школ, от которых всё и пошло. Он и учебники сам написал по западному образцу – штук десять или больше. Это всё нормально, образование – всемирное дело и такое важное, что отставать нельзя. Лев Толстой, прежде чем открыть школу в Ясной Поляне, ездил по европейским учебным заведениям; они ему не понравились, но зато он понял, чего же он хочет.

Чаще всего оказывается, что у других те же проблемы, что и у нас, и это очень важно знать; следовательно, они неизбежны, неразрешимы и надо научиться управляться с ними. Нет ничего глупее, чем пытаться решить неразрешимую проблему.

Среди многих причин, по которым наше образование недостаточно хорошо, одна вот такая: мы не умеем учиться у других, мы понятия не имеем, как обстоит дело во всём мире, мы всё хотим сделать по-своему. Мы готовы погубить всех наших детей, лишь бы по-своему.

Постепенно сложилось общее мнение, что наша школа – лучшая в мире. В газетах большие статьи на эту тему – лучшая, лучшая! А если лучшая – зачем же нам учиться? Чему учиться? Пусть у нас учатся! Я не раз встречал людей, которые недоумевают: почему зарубежные педагоги не хотят у нас учиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.